

СТАРАЯ НОВАЯ ТЕМА: СУДЬБА В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОЗЫ

Автор статьи обращает внимание на все более частое обращение российских прозаиков к теме судьбы как всемогущей иррациональной силы. Рассматриваются причины этого тематического реверса и его художественные последствия для литературы разной идеологической и эстетической направленности.

Ключевые слова: судьба, фатализм, мифология, метасюжет, иррациональное, пост-соц.

Заслуживает внимания никем пока не отмеченный факт: в последнее время в романах российских писателей главной силой, направляющей события, определяющей поведение героев и движущей сюжет, все чаще становится неконтролируемое, иррациональное начало, которому человек не властен что-либо противопоставить. Иначе говоря, в центре внимания регулярно оказывается то, что всегда называлось «судьбой». Само это слово звучит не так уж часто: природа тех процессов, которые описывают современные авторы, схватывается ими скорее интуитивно, да и речь обычно идет о настоящем или недавнем прошлом, — об эпохе Интернета, новейших технологий — то есть о времени, с которым архаическое понятие «судьба» плохо «вяжется». Но двигателем описанных событий сплошь и рядом становится не конфликт с природой или обществом, не классовая борьба, а столкновение с силой, которая не всегда оказывается «темной и слепой», но всегда — могущественной и необъяснимой. Такое изменение дискурса произошло недавно, и оно еще не отрефлектировано ни самими писателями (за редким исключением), ни критикой.

Напомним, что понятие судьбы древнее и слово это не раз меняло свой смысл. Представление о судьбе есть во всех архаических мифологиях. На нем еще сохранился отпечаток самых давних — пространственных — представлений: судьба — это удел, надел, выделенный человеку при рождении. Судьба задает некие рамки, в которые вписана человеческая жизнь. Поэтому С. Аверинцев отчетливо формулировал: «Судьба — это несвобода» [1, с. 405]. В античной мифологии власть судьбы выше власти богов. Боги своенравны, часто жестоки, но их поведение имеет причины, и их расположение можно заслужить. «Идея судьбы исключает смысл и цель» [1, с. 406]. Судьба слепа и неотвратима, — с ней не поладишь. Ей невозможно угодить, ее можно только обмануть.

Представление о судьбе менялось со временем: прежде безлика — она персонифицировалась, теряла неуправляемость (судьба-мойра превращалась в Сайсу, учитывающую человеческие заслуги), иногда она утрачивала злодейский нрав, — например, становясь Тяхе (удачей), ее темный аспект обособлялся в отдельную силу — фатум (рок). Наконец,

монотеистические религии постарались ее упразднить: идею судьбы одинаково отрицают Библия и Талмуд. «Открытый диалог Творца и творения не оставляет места фатально действующей необходимости» [1; 407]. В результате для образованного слоя судьба стала метафорой траектории индивидуального существования («такая уж у него судьба!»), а идея судьбы как всемогущей стихии постепенно уходит в сферу житейских представлений и народных суеверий.

В России они были весьма живучи, и многие русские писатели считали фатализм главной национальной болезнью. Например, Горький писал: «У нас, русских, две души: одна — от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя, убежденного в том, что "Судьба — всем делам судья", "Ты на земле, а Судьба на тебе", "Против Судьбы не пойдешь", а рядом с этой бессильной душой живет душа другая, она может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горит, быстро угасая ...» [2, с. 181]. Иначе говоря, в русском человеке срослись европеец и азиат, и Горький безусловно на стороне европейца — настаивает на том, что России пора отказаться от «мрачной метафизики» и пробудить в себе волю к творчеству.

Литература социалистического реализма, созданная при активном участии того же Горького, будет настойчиво иллюстрировать лозунг «человек — творец и хозяин своей судьбы». Ее герой — тот, кто должен решиться на подвиг, *выбрать* опасный путь. Однако именно должен. Свобода выбора в этой литературе декларируется, но она фиктивна: обычно выбирать приходится между смертью и позором, так что ответ заранее подсказан, — героическая смерть. Это больше походило на совершаемое государством жертвоприношение, чем на проявление свободной воли.

О судьбе как о могучей *внешней* силе советские писатели вспоминали только когда речь шла о самых критических моментах истории — прежде всего, о Великой Отечественной войне. «Судьба человека» Шолохова, «Судьба» Проскурина, «Жизнь и судьба» Гроссмана — все это военная проза.

Перестроечная, постперестроечная, и даже раньше — «оттепельная» литература ставила героя перед ис-

* © Казарина Т.В., 2017

пытаниями самого разного свойства и достаточно сложными, но рационально вполне объяснимыми. С этого времени развитие нашей словесности перестало быть одноколейным, и современные романы трудно подвести под какой-то общий знаменатель. Тем более интересна недавняя попытка критика Сергея Оробия выявить метасюжет современной русской прозы [6]. Критик составил список из десяти самых признанных (отмеченных вниманием читателей и премиями) произведений последних лет. В его перечне фигурируют «Возвращение в Египет» Владимира Шарова, «Обитель» Захара Прилепина, «Любовь к трем цукербринам» Виктора Пелевина, «Сигналы» Дмитрия Быкова, «Ненастье» Алексея Иванова и другие романы. Оробий показал, что в основе всех десяти сюжетов – история бегства от тяжелых обстоятельств и последующее возвращение – из-за встречи с еще худшими. Это похоже на разные варианты пересказа истории блудного сына.

Со своей стороны, обращаю внимание на то, что, во-первых, герои этих произведений, как правило, отправляются в путь по своей воле, а возвращаются по воле судьбы – под напором сил неодолимых, иногда – сверхъестественных. Во-вторых, что судьба здесь часто выступает в одном из самых архаических своих обликов – как необъяснимое НЕЧТО, с которым человеку не совладать. Наконец, в-третьих, можно утверждать, что в современной литературе похожего сюжеты текстов не десять, а гораздо больше – и в «арт-хаусной» прозе, и в массовой беллетристике. При этом сегодняшняя словесность демонстрирует несколько вариантов отношения к так понятой судьбе.

Самый редкий случай – обдуманное, сознательное обращение к этой теме. Роман Сергея Лебедева «Люди августа» – одно из немногих произведений, где автор отчетливо понимает, что судьба – его главная тема и главная героиня. Это подчеркнуто уже эпиграфом – из Арсения Тарковского: «Когда судьба по следу шла за нами, Как сумасшедший с бритвою в руке...»

Событие, породившее сюжет – появление дневника: старая женщина перед смертью решает описать историю своей семьи. История эта восходит чуть ли не к Рюрику, она увлекательна, семейству есть чем похвастаться, и отрывки из дневника охотно читают в присутствии гостей. Только у внука старухи, взрослому уже человека, содержание записей вызывает недоверие: «Бабушка писала так, словно люди никогда не принимали никаких решений в исторических обстоятельствах. Они влюблялись, предлагали, – весьма драматически, – руку и сердце, сходились, рожали детей, ссорились с родными. Но как только текст доходил до места, где предполагается глубокий личный выбор, возникали совершенно проходные фразы вроде: «А потом отца призвали, и он начал служить в Красной Армии». Прадед, дворянин, царский офицер, как я мог догадываться, конституционный демократ по убеждениям, – неужели просто «призвали и начал служить»? Так не могло быть, но так было в реальности, создаваемой текстом; в этой реальности люди жили исключительно под властью обстоятельств» [3; 18]. Еще более странным выглядит то, что в огромной

родословной опущено одно звено – ничего не сказано про деда: женщина, создавшая эту летопись, умолчала о своем муже. О нем редко вспоминали в семье: считалось, что он женился – и сразу погиб на войне. Но в дневнике о нем ни слова! Это интригует, и внук предпринимает расследование: добывает документы, ездит по местам, где воевал дед. И убеждается: дед был личностью малопривлекательной – палачом-энкаведэшником. Бабушка его боялась и ненавидела, но вышла за него, чтобы спасти себя и близких: дворянские корни делали положение семьи очень шатким. Видимо, она же на него в конце концов и донесла: пережив самые опасные времена, он в итоге все-таки попал в лагерь и погиб.

Судя по всему, много повидавшая бабушка героя убеждена, что любой человек, каким бы умным и самостоятельным он ни был, действует не по своей воле, а по воле обстоятельств, срастающихся в гигантский ком – судьбу. Даже если судьба притихла, ее следы надо хоронить так же надежно, как чумные трупы – иначе болезнь воскреснет. И дневник этой женщины – своего рода могильник: он написан, чтобы вытеснить из семейной памяти фигуру деда, заслонив ее огромным числом других. Стереть его из личной истории и тем самым сделать бывшее – не бывшим. Чтобы уберечь от возможной опасности детей и внуков.

Но внук, отыскав следы деда, убеждается на собственном опыте, что «тексты судьбы» можно расшифровать, сделать тайное явным. Темная и слепая сила истребляла целые народы, – так это видится тому, кто от этой силы прячется, бежит, отводит взгляд. Однако если пойти ее навстречу, ее суммарный облик рассыплется на фрагменты, поддающиеся идентификации: на общем темном фоне проступят конкретные лица, поступки, факты. У операции «судьба» были свои заказчики и исполнители, – их надо искать и находить.

Эта задача увлекает героя, и постепенно он превращается в профессионального искателя: выполняет заказы тех, кто хочет найти следы родственников, погибших в ГУЛАГе, при выселении народов, в «горячих точках». Чаще всего на поиски его посылают люди, которые намерены уехать из страны. И доставленную им в итоге пригоршню праха с могилы отца или деда они не забирают с собой – хоронят в России. Очевидно, что эти поиски нужны им не для восстановления связи поколений, а для того, чтобы эту связь наконец прервать – перерезать «нить судьбы», последовательность семейных трагедий. В этом отношении они ведут себя так же, как бабушка главного героя.

Таким образом, у персонажей романа две формы единоборства с судьбой: у большинства – попытка от нее отделаться, отвязаться, у главного героя – желание сорвать с нее маску. Это ему удается, пока сам он не становится объектом внимания КГБ. Чтобы отвести удар от любимой женщины, он принимает все условия этой организации: дает показания на одного из товарищей, подписывает договор о сотрудничестве. А когда возвращается домой, видит, что квартира обыскана, а любимую женщину арестовали и увезли.

По логике романа, судьба всесильна, пока она анонимна, пока она мыслится как нерасчлененная, неперсонифицированная сила, в отношении которой нет смысла искать поводы, мотивы, основания ее действия. Но иррациональное перестает существовать, когда оказывается в «светлом поле сознания» и начинает контролироваться разумом. Испугавшись за дорогого ему человека, герой утрачивает это преимущество и теряет все. Именно его страх придает могущественной организации облик судьбы – мстительной и неумолимой. Автор этого романа мог бы перефразировать Фазиля Искандера: «Наша судьба – это наш страх».

История главного героя зарифмована в романе с историей его поколения. «Люди августа» – это для Лебедева те, для кого низвержение «железного Феликса» было обещанием свободы, заявлением о конце кошмара. Но, подобно главному герою, они упустили свой шанс – может быть, тоже чего-то испугавшись.

Как уже сказано, роман Лебедева достаточно уникален. Гораздо больше произведений, в которых человеческая инертность становится фоном для веселых игр неведомой стихии, рождающей череду удивительных казусов и счастливых совпадений. Это происходит во многих произведениях Сергея Носова, Игоря Сахновского, Дмитрия Быкова и др.

Например, роман Сергея Носова «Фигурные скобки» – комедия положений с элементами фантастики и абсурда. В центре сюжета проходящий в наши дни в Петербурге конгресс магов – телепатов, микромантов, пожирателей времени – в общем, обладателей разных паранормальных способностей. Каждый способен творить чудеса (или уверяет, что способен), но как раз чудеса здесь, на съезде, никого не интересуют, – все заняты плетением бюрократических интриг: создают фракции, делят посты, вербуют единомышленников, кого-то подсиживают, на кого-то доносят. Никому не важна природа собственных волшебных способностей – только статус в сообществе. И когда на этом конгрессе начинают твориться совсем уж невероятные вещи – кто-то исчезает, кто-то присылает письма из другого измерения – это остается просто не замеченным в обстановке постоянных дразг и шумных скандалов.

В этом романе чудо от мистификации и безумия отличить трудно: то ли мир сходит с ума, и людям мерещится невеста что, то ли ими действительно играют некие непостижимые силы, – роман допускает и то, и другое понимание. Очевидным в обоих случаях остается одно – неспособность людей достойно отреагировать на происходящее.

О судьбе в этом романе речи нет – по понятным причинам. Как писал Александр Секацкий, судьбы надо еще «удостоиться»: «Судьба проявляется лишь при условии оказываемого ей сопротивления», и о ней «нельзя узнать ничего без вызова и вопрошания» [7; 182]. Она не существует для человека, не вставшего «поперек хода вещей». Герои Сергея Носова на сопротивление не способны, – и внешнее давление не становится их судьбой.

Любопытно, что во многих романах Носова и других названных мною в том же ряду писателей

иррациональная стихия не только не демонизируется (как это было в литературе Серебряного века – вспомним Леонида Андреева!), но, скорее, идеализируется – как выплеск креативной энергии бытия, как сила освободительная, праздничная, способная избавить жизнь от жалкого бытового прагматизма. Рядом с ней человек и социум выглядят тускло – словно они окончательно растратили свой творческий потенциал. Непредсказуемый, не контролируемый людьми ход событий часто преподносится как лучший вариант будущего – например, в «Свободе по умолчанию» Сахновского. Эта та же логика, которая заставляет некоторых политологов связывать надежды на перемены с т.н. «черными лебедями» или с предсказаниями гороскопа.

При все достоинствах этой прозы – легкой и ироничной – умножение текстов такого рода – плохой симптом. Люди здесь безвольны, анемичны. А «человек без биографии», без поступков не может цементировать собою текст, и это ведет к гибели романа.

Наконец, – и это третий вариант, – с иррациональными началами бытия можно ощущать внутреннее родство, с этой силой можно слиться. Нечто подобное происходит в литературе пост-соца (это сегодняшняя вариация соцреализма). Здесь авторские протагонисты похожи на былинных богатырей и сказочных героев, они побеждают любого врага не силой и умом, а благодаря необъяснимому нутряному знанию правды или мистическому дару. Судьба на их стороне, – они и вершат судьбу людей и народов. В кино череда таких героев началась с Данилы Багрова из «Брата» и «Брата-2» Алексея Балабанова. В литературе первопроходцем был Павел Крусанов, автор романа «Укус ангела», его герой становился самодержцем современной России, огнем и мечом завоевывал пол-Европы и покушался на захват Вселенной. Сегодня это уже литературный мейнстрим – появилась лавина текстов подобного рода (многочисленные романы Александра Проханова и др.).

Эта литература, именно из-за ставки на иррациональность, культивирует не осмысленность слова, а его заклинательную силу. Она не убеждает, не аргументирует, а внушает, – и для этого прибегает к повторам, многократному обыгрыванию сходных ситуаций, использованию клише. И тем самым сближается с фольклором, правда, в его «советской» версии – с поточным производством типовых текстов – искусственной имитацией естественно-народного. Для словесности это гибельный путь.

Но что все это означает в антропологической перспективе? То, что для описания современности литература постоянно применяет архаические матрицы, заставляет подозревать, что сама действительность сползает в архаику. Понимание нашего времени как «нового средневековья» в этой связи начинает казаться излишне оптимистичным: похоже, мы смещаемся в куда более отдаленное прошлое. И, как при обратном прокручивании киноплёнки, теряем контроль над обстоятельствами собственной жизни, утрачиваем субъектность. Это тот маршрут, который одна русская поэтесса когда-то назвала путем «от Платона к планктону» [4].

Библиографический список

1. Аверинцев Сергей. Судьба // Сергей Аверинцев. Собрание сочинений / под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. София–логос. Словарь. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 404–410.
2. Горький Максим. Две души // Статьи 1905–1916. СПб., 1918. С. 174–187.
3. Лебедев Сергей. Люди августа. М.: Интеллектуальная литература, 2016. 272 с.
4. Матвеева Новелла. Не пиши, не пиши, не печатай... URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=8854>.
5. Носов Сергей. Фигурные скобки // Новый мир, 2015, №№ 1,2.
6. Оробий Сергей. Вечное возвращение в «советский Египет». // Литература. № 102. URL: <http://literatura.org/criticism/1271-sergey-orobiy-vechnoe-vozhraschenie-v-sovetskiy-egipet.html>.
7. Секацкий А.К. Ревизия судьбы // Судьба. Интерпретация культурных кодов: 2003 / Лаборатория исторической, социальной и культурной антропологии; под общ. ред. В.Ю. Михайлина. Саратов: Научная книга, 2004. С. 180–185.

References

1. Averintsev Sergei. *Sud'ba* [Fate]. In: Averintsev Sergei. *Sobranie sochinenii. Pod red. N.P. Averintsevoi i K.B. Sigova. Sofiia-logos. Slovar'* [Collected works. Averintseva N.P. and Sigov K.B. (Eds.). Sofia-logos. Dictionary]. Kiev: DUKh I LITERA, 2006, pp. 404–410 [in Russian].
2. Gorky Maxim. *Dve dushi* [Two souls]. In: *Stat'i 1905–1916* [Articles of 1905–1916]. SPb., 1918, pp. 174–187 [in Russian].
3. Lebedev Sergey. *Liudi avgusta* [People of August]. M.: Intellektual'naia literatura, 2016, 272 p. [in Russian].
4. Matveeva Novella. *Ne pishi, ne pishi, ne pechatai...* [Do not write, do not write, don't print...]. Retrieved from: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=8854> [in Russian].
5. Nosov Sergey. *Figurnye skobki* [Curly brackets]. *Novyi mir* [New world], 2015, no. 1,2 [in Russian].
6. Orobiiy Sergei. *Vechnoe vozvrashchenie v «sovetskiy Egipet»* [The eternal return in "Soviet Egypt"]. In: *Literatura* [Literary], no. 102. Retrieved from: <http://literatura.org/criticism/1271-sergey-orobiy-vechnoe-vozhraschenie-v-sovetskiy-egipet.html> [in Russian].
7. Sekatskii A.K. *Reviziia sud'by* [Audit of fate]. In: *Sud'ba. Interpretatsiia kul'turnykh kodov: 2003. Pod obshch. red. V.Iu. Mikhailina / Laboratoriia istoricheskoi, sotsial'noi i kul'turnoi antropologii* [Fate. Interpretation of cultural codes: 2003. V. Mikhailin (Ed.)]. Laboratory of historical, social and cultural anthropology. Saratov: Nauchnaia kniga, 2004, pp. 180–185.

T.V. Kazarina*

OLD NEW TOPIC: FATE IN THE DISCOURSE OF MODERN RUSSIAN PROSE

The author draws attention to the increasing frequency of Russian writers to the theme of fate as all-powerful irrational forces. The causes of this thematic reverse and its artistic implications of literature of different ideological and aesthetic orientation are discussed.

Key words: fate, fatalism, mythology, metaplot, irrational, post-soc.

Статья поступила в редакцию 07/II/2017.
The article received 07/II/2017.

* Kazarina Tatjana. Victorovna (kazarina_tv@bk.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.